

Содержание

Автостоп-1984

5

Сеня

33

Крючок

75

Алина. Памяти 90-х

106

Боль

161

Ревность

193

Последний

223

Автостоп-1984

Дарье Сапрыкиной, моей советнице

Солнечным утром в середине июля 1984 года один немного знакомый мне молодой человек по кличке Джексон вышел с двумя друзьями на шоссе, ведущее из Москвы в направлении Таллина, и, подняв правую руку, стал ловить или, как говорили его друзья, стопить проезжающие машины. Не имеет смысла писать, что это утро было свежим, сияющим, влажным и тому подобное, потому что Джексону было восемнадцать лет, он только что сдал почти целиком на отлично свою первую сессию, и, какой бы ни была погода, это утро могло быть для него только прекрасным. Кличку Джексон дали ему друзья, которые тоже именовались соответственно: Крис и Дрон. Сперва Крис хотел прозвать его Джоном, но ему возразили, что Джон — это святое, Джон может быть только один — Леннон, нужно придумать что-нибудь дру-

гое. Так появился Джексон, это было даже больше созвучно с его настоящим, вполне обычным русским именем, чем Джон. Оба его друга носили волосы до плеч, у невысокого смешливого Криса они были темные, у начинающего полнеть очкарика Дрона светлые; оба они были хиппи, еще в старших классах школы освоившие незамысловатую хипповскую философию и вошедшие в «систему» — так называли тогда хиппи свое разбросанное по городам и весям СССР сообщество. Джексон не был хиппи, сразу после школы он избрал стезю, прямо противоположную образу жизни его шалопайных друзей, и поступил на юридический факультет Московского университета, в устрашающей вступительной речи названный деканом «политическим». Что это конкретно означает, Джексон не понял, но по всему мрачно-многозначительному виду декана почувствовал, что на новоиспеченных студентов вот-вот будет возложена ответственность за судьбу страны, если не всего мира. И уж точно за собственный моральный облик, над которым вследствие этого хотелось надругаться как можно быстрее и окончательней (но, конечно, так, чтобы на факультете об этом не узнали). Его однокурсники попросту напивались в стельку в общежитии на проспекте Вернадского или в ближайших к университету пивных, но Джексон, уже тогда отличавшийся радикальностью, выбрал путешествие автостопом с друзьями-хиппарями.

И тут, пока он ждет свою первую попутку, мне хочется, пользуясь нашим с ним особенным знакомством, позволяющим мне обращаться к нему напрямую через время и расстояние, спросить:

— Куда тебя понесло? Это же совсем не твоя компания! Ты же равнодушен к хипповским кумирам, наподобие Гессе, зато прочел уже главные романы Достоевского, едва ли не наизусть знаешь одержимых стилем одесских писателей двадцатых годов и даже осилил первый том Пруста! Ты же почти не слушаешь рок, но по приглашению совсем других своих, начитанных и умных друзей, регулярно ходишь в Консерваторию. Что ты хочешь найти среди этих бродяг, бездельников и попрошайек?

Он отвечает не сразу и не слишком уверенно:

— Мне кажется, я хотел бы не найти, а потерять. Избавиться от предрешенности своей жизни: юридический факультет по стопам матери, потом будет, конечно, адвокатура — у меня в ней работало три или четыре поколения предков еще с дореволюционных времен — и соответствующий круг знакомых, вроде тех, что приходят по праздникам к родителям, у меня уже зубы от тоски сводит от их анекдотов и шуток! Неужели я не гожусь ни на что другое? Я хочу сойти с этой колеи, хотя бы на пробу...

— Ну-ну, — только и говорю я ему. — Ну-ну...

Первая же остановившаяся машина разделяет троицу, потому что в кабину грузовика могут по-

меститься максимум двое. И дальше, на протяжении всего путешествия — а путь ждет неблизкий, по всем западным, потом юго-западным окраинам СССР — им предстоит расставаться и встречаться вновь. Чтобы не растеряться, будут оставлять на главпочтамтах открытки до востребования с указанием, где и когда назначают встречу. Это работало, хотя и не без сбоев. Подвозили тогда легко, подолгу стоять на обочине не приходилось, в России и прибалтийских республиках денег особо не спрашивали, знали, что у хиппи платы за проезд не допросишься: «Это же русские цыгане, — сказал везшему Джексона дальнобойщику напарник. — Что с них возьмешь?» Джексон запомнил, ему понравилось — он был не прочь побыть некоторое время «русским цыганом».

Вместо денег расплачивались разговорами: анекдотами, байками, нехитрой хипповской философией. Джексон был в этом не силен, все известные ему анекдоты заканчивались за полчаса, поэтому он предпочитал сам расспрашивать водил о жизни. Ему и правда было любопытно. Те отвечали в основном охотно: нечасто кто-то интересовался их мнением. Поругивали, кто ленивее, кто злее, дороги, зарплату, власть, как привычно ругают скверный климат, установившийся от века, об изменении которого никому в голову не придет думать всерьез. Никто, конечно, не подозревал, что власти в ее тогдашнем виде остался всего год,

а вслед за ее сменой начнет с нарастающей скоростью меняться вся страна, чтобы через семь лет распасться на части, обрести другое имя и строй, так что ругают они, по сути, того, кто уже находится при смерти.

Только один попался Джексону водитель, чье недовольство жизнью превышало средний уровень, достигая накала беспримесной ярости. При этом вся она была направлена на частников, владельцев легковушек. Когда стемнело, этот молчаливый немолодой дальнобойщик протянул Джексону коробку, полную тяжелых болтов и гаек:

— Как обгону легковую, сразу швыряй гайку, не сомневайся.

— Да ты что?! Запросто же убить можно!

— А так им, гадам, и надо! Чтоб не воровали! Я всю жизнь за баранкой — хоть на одну машину себе заработал? Нет! Так-то! Швыряй, давай, а то высажу посреди дороги, будешь в лесу ночевать.

Это был настоящий охотник за легковушками, неистовый борец с частной собственностью. Завидев впереди фары легковой машины, он изо всех сил давил на газ, и его старый грузовик с надрывным ревом летел по ночному шоссе. К счастью, ночью легковые встречались редко, обогнать их было сложно, а если это все же удавалось, Джексон скидывал гайку вдоль борта грузовика, чтобы исключить попадание.

— Ну что, засадил ему в лобешник?! — в азарте охоты кричал водитель.

— Не знаю... Вроде промахнулся.

— Ничего, вон впереди еще один маячит. Сейчас догоним. — И сумасшедшая погоня возобновлялась.

При таких условиях охоты Джексон был уверен, что на его совести нет ни одной жизни животного и ни одного разбитого лобового стекла, но все равно, как только грузовик въехал в первый же город, попросил его высадить.

В Эстонии начиналась Европа. Все здесь было уже другое: аккуратные небольшие поля, иначе сложенные стога, стоящие по отдельности хутора. В Таллине в старинной крепостной стене располагались кафе, где угощали кофе с ликерами и крошечными многослойными пирожными. Ничего подобного Джексон прежде не пробовал. Понравилось. Во дворе средневекового монастыря показывали «пластическую драму»: полтора часа непонятных извиваний под музыку «Пинк Флойд» — новое, европейское искусство. Озадаченный и слегка оглушенный, Джексон вышел на улицу, побродил немного по Таллину, а потом встретился в кафе у ратуши с подъехавшими позже Дроном и Крисом. С ними сидел местный длинноволосый, которого звали Расмус, Джексон так и не понял, кличка это или настоящее имя. И этот Расмус, покончив с кофе и пирожными, деловито и как бы между прочим сказал:

— Кстати, есть ханка. Никто *вмазаться* не желает?

Прозвучало это до того естественно, как будто у них тут просто так принято — угощать гостей самодельным героином — обычная европейская вежливость. Осторожный Дрон отказался, мол, голова у него что-то болит, желудок не на месте, он бы и рад, но не сегодня, зато Крис с легкостью согласился. Эта легкость подкупила Джексона, и он тоже утвердительно кивнул. И вот они уже идут к Расмусу домой, и Джексон получает первый в жизни укол коричнево-бурого вещества в вену. Откинувшись на диване в пустой обшарпанной комнате, он испытывает свой первый *приход*: колючий жар поднимается снизу к голове, затем озноб и чувство, будто внутри тебя, беззвучно трясясь от ярости, стартует бешеный мотоцикл. Тут я уже не выдерживаю и, пока он вникает в меняющиеся ощущения, кричу ему:

— Ты хоть понимаешь, что ты делаешь?! Ты понимаешь, что это статья?! А про *передоз* ты слышал? Про заражение крови грязной иглой? Знаешь, сколько твоих знакомых умрет от этого в девяностые?! Сейчас ты этого, конечно, знать еще не можешь, но я-то знаю!

— А что мне было делать? — отвечает Джексон. — Как я мог отказаться? Струсить? Ну уж нет. Да я и не хотел отказываться. Я не мог не попробовать — только так можно освободиться от вчерашнего и всегдашнего себя, а без этого нет настоящей свободы: куда бы ты ни ехал, везде таскаешь себя с собой! Только так чувствуешь, что каждое

твое слово, движение, поступок могли быть иными — любыми! Так понимаешь, что ничто не предопределено.

— Значит, ты сошел с колеи студента МГУ, будущего юриста, чтобы войти в колею наркомана? Осталось дожидаться, когда ты схлопочешь срок и покатишься по колее уголовника!

— Да почему сразу наркомана-то?! В том-то и дело, чтобы двигаться по разным колеям одновременно — только так можно не увязнуть ни в одной из них.

— Значит, ты хочешь разъезжать с хиппи и в то же время учиться на юридическом, употреблять наркотики и не быть наркоманом?

— Представь себе! Быть хиппи так же банально, как юристом, тех и других пруд пруди, а вот быть тем и этим сразу... экспериментировать с наркотиками и не стать наркоманом — не так уж и много тех, кому это удавалось. Может быть, в этом мой шанс найти что-то небанальное.

Приход заканчивается, уступая место ровному возбужденному состоянию, Джексон с приятелями выходят на улицу и садятся в переполненный трамвай. Куда они едут? Джексону нет до этого дела, потому что очень скоро он начинает *поло-скаться*: жидкость стремительно поднимается из желудка и наполняет рот. Ее так много, что нужно срочно выплюнуть, приходится пробиваться к окну трамвая и сплевывать в него. Обычная реакция на *ханку* непривыкшего организма, объясня-

ют друзья. Не успевает Джексон отдышаться, как все начинается снова, опять он вынужден проталкиваться к окну, потом еще раз и еще. Любой из пассажиров с первого взгляда должен понять, что с ним происходит, но они, похоже, не обращают на него внимания. Или делают вид, что не обращают. Наверное, это европейская привычка к невмешательству в чужую частную жизнь — сейчас она ему на руку.

Трамвай остановился на конечной, они пересели на автобус, выехали за город, и только тут Джексон узнал, куда и зачем они ехали. А ехали они на *дербан* — собирать сырье для ханки. Расмус с Крисом принялись планомерно обходить дачные участки, чьи хозяева выращивали мак, надрезать бритвой маковые головки и собирать на бинт выступавший из них белый сок. А Дрон с Джексоном банально встали на шухере. «Ох, заметут нас, чувствую, заметут», — переживал нервный Дрон. Джексон стоял непоколебимо, как часовой на посту, глядя на заходящее над маковыми посадками солнце. На него снизошел покой.

— О чем ты думаешь? — спрашиваю я его. — Ты ведь не чужой мне человек. Ты мог бы быть моим сыном — если бы не был мной. Но нас разделяет больше тридцати лет, и я понятия не имею, что происходит в твоей восемнадцатилетней голове. Думаешь ты вообще о чем-нибудь?

— Не беспокойся за меня, — отвечает Джексон. — Со мной всё в порядке. Никогда я не был

так уверен, что то, что я делаю, правильно. Мне необходим этот опыт риска и свободы, без него я никогда не смогу сделать ничего стоящего. Я двигаюсь в верном направлении и ничего не боюсь. И думать мне сейчас ни о чем не нужно, я просто смотрю на закат.

Все обошлось: их не замели, они благополучно вернулись в Таллин и, прожив несколько дней у Расмуса, выехали в Ригу. Путешествие автостопом не предполагает длительных остановок. Дорога сама по себе наркотик, заставляющий вновь и вновь срываться с места, вызывающий привыкание к движению, к непрерывной смене пейзажей за окнами машины. Дорога становится постоянным домом, а все прочие дома, где останавливаешься на одну или несколько ночей, делаются призрачными, исчезая в прошлом без следа. В дороге у тебя нет ничего, кроме мгновения настоящего, которым ты всегда можешь распорядиться, как захочешь, в любую минуту сменив направление, изменив задуманный маршрут.

В Риге, отстояв немалую очередь, они сходили на органнй концерт в Домский собор (музыкальный Дрон вздыхал и протирал очки, верный рок-н-роллау Крис откровенно скучал, да и Джексону органнные переливы скоро стали казаться чересчур торжественными), а оттуда отправились в хипповский лагерь на реке Гауя. Несколько палаток стояло в лесу у впадения Гауи в Рижский залив, так что мож-

но было выбирать, купаться в реке или в заливе. На берегу залива раскинулся огромный безлюдный пляж, чей белоснежный песок был изрезан глубокими колеями от танковых гусениц — рядом находился полигон, глухой рев раздавался от туда почти постоянно, а раз в несколько дней по пляжу с грохотом проносились чудовищные военные машины. Тогда загорававшие голышом хиппи вскакивали и начинали прыгать на их пути, тряся своими причиндалами и выкрикивая пацифистские лозунги. Один раз танк остановился и стал угрожающе поворачивать башню в направлении обнаженной компании. Сразу сделалось не по себе. Не то чтобы кто-то верил, что он способен выстрелить, но проезжавший с ревом и вонью по пляжу танк казался всем нелепым кошмаром, когда же он, дрожа от ярости и оглушительно рыча, вдруг встал рядом с ними, нелепыми в своей полной беззащитности под дулом орудия показались себе они сами. Это, надо сказать, совершенно особое чувство — стоять голым рядом с развернувшим на тебя башню танком. Запоминается надолго.

Джексон рядом с танком не прыгал, стеснялся, но не мог отвести глаз от белобрысой девушки, прыгавшей выше всех, которую звали Танька-Китайка. У нее была крошечная, совсем не мешавшая ей прыгать грудь и, наверное, много подбрасывавшей ее вверх пружинящей силы внутри. Китайкой ее прозвали из-за узких, как будто прищуренных глаз, точно она постоянно глядела на